

Золон навалился на стол и помахал рукой перед лицом Лушэна, раз, другой:

— Я иду на свидание, а ты недоволен?

Лушэн по-прежнему не обращал на него внимания. Он проглотил кусочек нежных ростков сои, но тот будто застрял в горле, словно колючка. Десять с лишним лет актерского мастерства требовали от него сейчас сыграть свою роль до конца, чего бы это ни стоило. Но глаза больше не слушались, улыбка тоже была не его — всё это он нацепил на себя лишь для того, чтобы успокоить другого. А в душе словно работали ножницы, кромсая сердце на куски, один мучительнее другого. Он терпел и терпел, не в силах вымолвить ни слова, чувствуя себя совершенно потерянным.

Он пытался отстраниться, но Цзинь Шиань упорно лез к нему:

— Чего ты вдруг со мной так? — он принялся разглядывать лицо Лушэна со всех сторон. — Слушай, дружище, ты ничего не перепутал? Ты что, принял меня за своего господина? — он толкнул его плечом. — О-о, теперь я тебе приглянулся?

Этот вопрос прозвучал как гром среди ясного неба. Лушэн едва удержался на стуле — как он мог спросить об этом сейчас? Он, оказывается, всё это время думал о таком!

Лушэн не знал, что ответить, и, опустив голову, пробормотал:

— Глупости, не дразни меня.

Цзинь Шиань расхохотался, схватившись за живот:

— Да мне просто нравится тебя подкалывать! — он ущипнул его за щеку. — Не ходи с таким кислым лицом, улыбнись. Подумаешь, событие! Я ведь еще не сказал, что обязательно женюсь.

Лушэн застыл на месте, глядя, как его молодой господин разжал пальцы, встал, почесал спину и, покачиваясь, направился к выходу, выкрикивая:

— Тетушка Лю! Где там мои закуски?!

Весь этот вечер они провели, терзаемые каждый своими мыслями: один — словно светлая луна среди облаков, другой — как опавшие цветы, которые некому пожалеть. Лушэн ворочался на кушетке, не в силах уснуть. Он ведь знал, что этот день настанет, неужели не догадывался? Будь он прежним господином Цзинем, возможно, еще можно было бы устроить скандал, но этот человек был лишен всякой чувствительности. Он почитал тебя как брата, а ты его — кем для себя считаешь? Если из-за тебя он упустит выгодный брак, разве это не будет неблагодарностью? Разве это не совесть сгубит?

Он метался из стороны в сторону, пытаясь обмануть себя пустыми словами, и тут же вспоминал слова тетушки Лю: Посмотрим, в какой день он приведет молодую госпожу. Эти слова кололи сердце, как иглы. Он всё-таки женится, думал Лушэн. Не пройдет и нескольких

дней. Семья Цинь хоть и не так богата, как Цзинь, но в Нанкине они люди не последние. Цзинь Чжунмин наверняка жаждет этого союза и не даст Шианю времени на раздумья. Бедный, он ведь даже не понимает, что происходит, думает, что просто играет с барышнями!

То он сочувствовал другим, то жалел себя, и эта ночь была поистине невыносимо горькой. Другие боли бывают острыми, резкими, а эта — беспросветная и бесконечная. Ду Линян и Чэнь Мяочан приходили, чтобы разделить его участь, Дун Сяовань и Лю Жуши сопереживали его горю, но в книгах и пьесах, как бы ни были тяжелы разлуки, герои в конце концов воссоединяются, а он сам обрек себя на одиночество. Глядя на бегонию за окном, он молча проплакал всю ночь, слушая, как опадают лепестки — шлеп, шлеп — прямо в сырую землю. Некому поведать о своих чувствах, лишь цветы вздыхают вместе с ним.

В прошлом для семьи Цзинь Цинь Е был не более чем человеком, подбирающим крошки со стола, и Цзинь Чжунмин никогда не ставил его ни во что. Но времена изменились. После череды неприятностей, свалившихся на дом Цзинь, Чжунмин больше не мог пренебрегать Цинь Е и еще несколько дней назад приказал: Приведите всё в порядок, он обязан пойти.

Не прошло и пяти дней, как барышня Цинь прислала личное приглашение. Письмо было написано доверительным, нежным тоном: Брат Минцин, я так по тебе скучаю. Фиолетовые чернила на ароматной бумаге заставили Цзинь Шианя расплыться в улыбке, хотя он тут же спросил: А кто такой Минцин?

Лушэн, услышав это, прыснул со смеху:

— Минцин — это твое второе имя.

— А что такое второе имя?

— Так называют близкие люди, это знак особого расположения. Стой смирно, не вертись, — Лушэн поправлял ему галстук. — Твое имя дал тебе дед, а второе имя — отец, оно взято из Книги истории. — Он с любопытством поднял глаза: — Разве ты в детстве не ходил в школу и не читал Книгу истории?

Цзинь Шиань покраснел и перевел тему:

— А эта девчонка, оказывается, образованная.

Лушэн покачал головой:

— Образованные — это дед и твой отец. Сегодня ты впервые выходишь в свет, постарайся вести себя достойно. Не показывай тот детский нрав, который проявляешь со мной, иначе барышня разочаруется.

Он уже привел свои чувства в порядок. Человек сначала чувствует, а потом рассуждает, и господин Бай, проплакав всю ночь, на следующее утро рационально решил, что его печаль неуместна и нелогична, а значит, он сам себе создает проблемы. Он мысленно сравнил Цзинь Шианя с Сунь Цэ, а себя — с Чжоу Юем. Разве союз Суня и Чжоу не был воспет в веках? И это ничуть не умаляло их братской дружбы до гроба. Чтобы отплатить за добро, не обязательно быть рядом каждую минуту. Почему бы не стать для него таким же помощником, каким Чжоу Гунцзинь был для династии Сунь?

Это он сам слишком изнежен.

Господин Бай, вероятно, не знал, что восемьдесят лет спустя в странной литературе об отношениях их связь с Чжоу Юем описывалась совсем не так невинно, так что сравнение было довольно опасным.

Он с улыбкой проводил Цзинь Шианя до дверей в сопровождении служанок. Глядя, как тот радостно выходит за порог, Лушэн почувствовал, как внутри него столкнулись рыцарский дух и тоска расставания. Господин Бай стоял молча, и никто не знал, что в его душе этот рыцарский дух яростно сражается с печалью. Под ярким солнцем раннего лета он не чувствовал жары, сосредоточенно убеждая себя: Это к лучшему.

Вдруг Цзинь Шиань, уже выйдя, внезапно вернулся.

Лушэн удивился:

— Забыл что-то?

Цзинь Шиань высунул голову из-за угла стены:

— ...Я просто хотел проверить, плакал ли ты.

Лушэн не нашелся, что ответить.

Цзинь Шиань внимательно посмотрел ему в лицо:

— Точно не злишься?

Лушэн растерянно ответил:

— С чего бы мне злиться?

Снаружи раздался приглушенный голос Чжоу Юя:

— Господин! Время вышло! Барышня Цинь уже ждет!

Цзинь Шиань успокоился, улыбнулся и ущипнул Лушэна за щеку:

— Слушайся, сиди дома, а я пошел кадрить девчонок.

В своем безупречном костюме он выглядел по-настоящему статным красавцем. Лушэн заворуженно смотрел, как его высокая фигура растворяется в солнечном свете, как он уверенно идет по улице и садится в машину. И вдруг какая-то горячая волна захлестнула его: рыцарский Чжоу Юй потерпел полное поражение, а скорбная Дайюй подняла знамя победы. Тысячи Дайюй зарыдали в его сердце под аккомпанемент птичьего пения — и никто не знал, о чем они плачут.

Голос тетущки Лю испуганно зазвучал в доме и за его пределами:

— Господин Бай! Помогите! Что с вами?!

В особняке Бай воцарился хаос, о котором Цзинь Шиань даже не догадывался.

Машина медленно ехала по улице. Он смотрел в окно и небрежно спросил водителя, старого Чэня:

— Дядюшка Чэнь, расскажи-ка мне, что это за барышня Цинь такая?

Старый Чэнь был молчуном, долго думал, а потом выдал:

— Дочь Цинь Е, короля уксусного производства в Чжэньцзяне.

Эта барышня Цинь, по имени Сюаньхуэй, считалась одной из первых красавиц Нанкина. В свое время Цинь Е, лелея свои надежды, устроил бал в честь восемнадцатилетия дочери и пригласил Цзинь Шианя. Намек был более чем прозрачен — Цзинь Чжунмин был не против этого союза, дети выросли, пора и жениться. Но молодой господин Цзинь промолчал, а вот барышня Цинь отдала ему свое сердце. Год за годом она ждала, и вот ей уже двадцать четыре года. В глазах старших она стала старой девицей, но барышня Цинь стояла на своем: кроме господина Цзиня, ни за кого не выйдет.

Что ж, у дочери высокие запросы — присмотрела самого завидного жениха в Нанкине, и Цинь Е нечего было возразить. Каждый год на день рождения он устраивал бал и приглашал Цзинь Шианя, надеясь, что Цзинь Чжунмин сделает предложение. Но Цзинь Шиань оставался невозмутим: на балы ходил, дань вежливости отдавал, но о браке — ни слова.

Дочь Цинь Е не зря тратила время: за шесть лет Цзинь Чжунмин отдал ему немало выгодных заказов. Люди посмеивались, что Цинь Е продает свою дочь, и в глубине души он и сам чувствовал горечь, но когда дело касалось денег, всё остальное отходило на второй план.

Барышня Цинь стала посмешищем Нанкина, и Цинь Е решил идти до конца: пусть тянется, сколько хочет. Рано или поздно Цзинь Шианю придется жениться, иначе весь Нанкин заплывет

его от стыда.

Старый Чэнь отвечал неохотно, на каждый вопрос — одно слово, так что Цзинь Шиань быстро устал от расспросов. Ему было неинтересно слушать эти сплетни, он подался вперед:

— А она хоть красивая?

Старый Чэнь промолчал, а спустя долгое время добавил:

— Господин, не о барышне Цинь речь, а о господине Бай... что вы собираетесь делать?

Цзинь Шиань промолчал. Он действительно не задумывался об этом. А что тут делать? Неужели он должен спрашивать разрешения у Бай Лушэна, чтобы погулять с девушкой? С какой стати?

К тому же, Лушэн, кажется, не был расстроен, последние пару дней всё было в порядке.

Но его молчание старый Чэнь воспринял как недовольство. Он хотел дать себе пощечину за то, что опять завел разговор не о том. Но ему было обидно: раньше господин никогда не интересовался этими девицами, а сегодня вдруг проявил такой интерес.

Люди меняются, подумал старый Чэнь. Раньше господин носил господина Бая на руках, а теперь... Десять лет отношений, похоже, подходят к концу.

Машина остановилась у отеля «Централь». Цзинь Шиань выскочил, не дожидаясь, пока откроют дверь. Он уже тысячу раз представил себе лицо этой барышни — он не питал больших иллюзий, времена изменились, вкусы тоже. Требования у господина Цзиня были невысокие: лишь бы она не была уродиной, он готов был провести с ней день.

Лушэн, конечно, красив, но ведь с ним нельзя переспать! Господин Цзинь признавал, что немного истосковался.

Барышня Цинь уже ждала. Увидев из окна, как Цзинь Шиань выходит из машины, она забыла о приличиях и, не отрывая глаз, следила за тем, как он входит в зал, а потом расцвела в очаровательной улыбке.

Она помахала ему рукой:

— Брат Минцин, я здесь!

Голос у нее был приятный, манящий. Цзинь Шиань еще не видел ее лица, но уже пришел в возбуждение. Брат Минцин — как же это звучит, старые времена, такие нежные девушки... господину Цзиню это нравилось.

На барышне было легкое платье из тонкого шелка, на голове — маленькая шляпка, черные волосы завиты в локоны. Цзинь Шиань первым делом оценил ее фигуру — тонкая талия и пышная грудь. Лицо господина Цзиня расплылось в довольной улыбке, и он широким шагом направился к ней.

Они встретились взглядами: барышня смущенно улыбалась, но в тот же миг лицо Цзинь Шианя превратилось в ледяную маску.

Чудеса не случаются дважды, а вот комедии повторяются постоянно. Эта барышня из прошлого, как назло, была точной копией его бывшей девушки, кинозвезды Цинь Нун.

Встретить такое лицо сквозь время — Цзинь Шиань чуть не наложил в штаны.

Как говорится, обжегшись на молоке, на воду дуешь. В прошлой жизни Цинь Нун так поиздевалась над ним, что он до сих пор вспоминал об этом с содроганием. А теперь, увидев врага, он не только почувствовал прилив старой ненависти, но и испугался — психологическая травма была слишком сильна. Он тут же забыл о своем мировоззрении, где он — главный герой, и, движимый инстинктивной неприязнью, мгновенно зачислил барышню Цинь в лагерь врагов.

Черт возьми, подумал Цзинь Шиань, сколько же жизней я должен этой Цинь Нун? В прошлой не расплатился? Теперь она преследует меня в этой?

Он смотрел на барышню Цинь и не мог сдвинуться с места, его лицо застыло.

Барышня Цинь, разумеется, не могла понять его внутренних терзаний и решила, что он просто стесняется — ведь он всегда был таким сдержанным. Она, оживленная и радостная, взяла своего брата Минцина за руку:

— Я только что пришла. Ты как, лучше себя чувствуешь?

От прикосновения ее маленькой руки Цзинь Шианя охватил ужас. Цинь Сюаньхуэй усадила его за стол, и он сел, словно деревянный, а его лицо меняло цвета, как светофор.

Сюаньхуэй заботливо спросила:

— Ты не утомился в дороге? Вيني меня, это я настояла на этом месте, но я помню, что ты любишь местную кухню.

Ну надо же, точь-в-точь как Цинь Нун. Когда та вытаскивала его куда-нибудь, всегда говорила то же самое: Вيني меня, но я так скучала.

Эта лисица, подумал Цзинь Шиань, думает, что если сменит имя, я ее не узнаю? Раньше ты тоже была такой нежной! И именно эта нежность меня и погубила! Я тратил на тебя деньги!

Я... а ты что сделала? Как только стала популярной, пнула меня! И сбежала к какому-то слащавому красавчику!

Черт, как вспомню — зло берет. Он смотрел на ее прекрасное лицо и вспоминал все предательства Цинь Нун, ему хотелось вскочить и обругать ее последними словами.

Вдруг он вспомнил, что обе женщины носят фамилию Цинь, и его осенило: может, она какая-нибудь внучатая племянница Цинь Нун? Тогда жениться на ней тем более нельзя! Семейные гены — страшная вещь!

Сюаньхуэй заметила, что с ним что-то не так, и робко спросила:

— Брат Минцин, что с тобой?

Ничего, подумал господин Цзинь, просто видеть тебя противно. Он понимал, что Цинь Сюаньхуэй и Цинь Нун — разные люди, но это лицо он видеть больше не мог. Жениться на ней? Уж лучше умереть.

Сюаньхуэй почувствовала себя обиженной и встревоженной:

— Ты неважно себя чувствуешь?

— Нет, — процедил Цзинь Шиань, — мне просто нужно съесть дерьма, чтобы прийти в себя.

Барышня на мгновение замерла, решив, что ослышалась.

Она была светской львицей Нанкина, умела выкручиваться из любых ситуаций. Прошло три секунды, и она, прикрыв рот рукой, рассмеялась:

— Брат Минцин, ты становишься таким шутником.

Она поняла, что Цзинь Шиань ее ненавидит, и ее сердце разбилось на тысячи кусков. Раньше он был с ней холоден, но хотя бы соблюдал приличия. Даже барышни Чжу и Цян не могли добиться такого внимания! Как же так, стоило ему заболеть, и он даже видеть ее не хочет?

Барышня Цинь чувствовала себя униженной, но вынуждена была терпеть. Она прикрыла рот рукой, сдерживая слезы, и заставила себя улыбнуться:

— Что мы будем заказывать? Без тебя я не решалась выбрать блюда.

Цзинь Шианя затошнило. Он боялся только одного — когда Цинь Нун улыбалась, это никогда не доводило до добра. Какая бы она ни была красивая, смотреть на нее он не хотел.

— Все равно, — холодно бросил он.

Барышня Цинь едва сдерживала слезы, но так и не решилась заплакать. Она позвала официанта и с тяжелым сердцем заказала полный стол блюд.

— Все твои любимые, надеюсь, я ничего не перепутала.

— Перепутала, — безжалостно отрезал господин Цзинь. — Я ничего из этого не люблю.

Это принесло ему странное удовлетворение. С тех пор как Цинь Нун его бросила, ему хотелось облить ее серной кислотой. Он представлял себе эту сцену тысячи раз: Цинь Нун стоит на коленях, а он возвышается над ней, она плачет, он смеется... Но она уехала в Шанхай, и он даже не успел с ней расквитаться.

Цзинь Шиань признавал, что он не джентльмен. Цинь Нун хоть и не была его первой любовью, но стала первой серьезной девушкой, которой он отдал так много!

Она уничтожила его веру в любовь.

Прости, барышня Цинь, подумал Цзинь Шиань, опустив голову, дело не в тебе, просто нам с тобой не по пути в этой жизни, и в следующей тоже не надо.

Он поднял глаза и увидел, что барышня плачет. Она не ожидала, что он посмотрит, испугалась и тут же закрыла лицо руками.

Цзинь Шиань снова почувствовал жалость к ней. Подумал, где у него лежит платок, и, не найдя, протянул ей салфетку:

— Прости, не плачь.

Лучше бы он этого не говорил. Словно прорвало плотину, барышня Цинь зарыдала в голос:

— Брат Минцин, брат Шиань! Почему ты так со мной? Я... я знаю, что не нравлюсь тебе! Но почему?!

Цзинь Шиань поморщился, встал и пересел на ее сторону:

— Хватит плакать, хорошо? Я виноват. Прости меня.

Для барышни Цинь эти слова прозвучали как окончательный разрыв. Она ждала этого шесть лет, и ее сердце было пронзено тысячей стрел. В ресторане, полном знатных особ, все вытянули шеи, наблюдая за ними — о боже! Господин Цзинь довел барышню Цинь до слез! Похоже, свадьбе не бывать.

Этот Цзинь Шиань, наверняка из-за того, что связался с актером, даже такую красавицу не хочет, просто грех!

Все злорадствовали: Цзинь Чжунмин, этот старый мерзавец, останется без внуков. Раз он не хочет дочь Цинь Е, кто еще решится свататься к ним? Ни одна порядочная девушка не захочет быть фиктивной женой, когда в доме уже есть этот фальшивый наложник!

Барышня Цинь поплакала, поняла, что на них все смотрят, и почувствовала неловкость. Цзинь Шиань стоял рядом, засунув руки в карманы:

— Еще будешь есть? Макияж весь потек.

Барышня снова решила, что брат Минцин проявил заботу. Она вытерла слезы, не зная, что сказать.

Цзинь Шиань уже был сыт по горло. Он терпел только из жалости к ней, иначе давно бы ушел.

— Будешь есть? Если нет, я отвезу тебя домой.

У барышни уже не было сил есть, она встала, всхлипывая. Ей хотелось убежать, но она не могла упустить шанс, что он ее проводит. Шиань молча пошел к выходу, и она покорно поплелась за ним.

Они сели в машину, барышня наконец перестала плакать. Цзинь Шиань лишь бросил: Отвези ее домой. Старый Чэнь испугался, но не посмел переспрашивать.

Слезы снова подступили к глазам барышни.

У Цзинь Шианя не было терпения утешать ее. Глядя, как она жалобно всхлипывает, он долго колебался, а потом вздохнул:

— Послушай, барышня Цинь, сестренка Цинь, больше не ищи меня, — он вытер ей слезы рукой. — Тебе всего двадцать четыре, ты такая красивая, наверняка найдется много мужчин, которые тебя полюбят. Я тебя не достоин.

Цинь Сюаньхуэй была сбита с толку его внезапной мягкостью:

— Брат Минцин, у тебя уже кто-то есть? — она разволновалась. — Чем я хуже них?

Ты достойная дочь своего отца, настоящая королева ревности, подумал Цзинь Шиань. С Лушэном тебе не сравниться, наш зверь Дайюй плачет так, что даже слезы похожи на весенний дождь, а у тебя тушь потекла, как из водосточной трубы!

Он украдкой взглянул на ее заплаканное лицо и подумал: что это за тушь такая? Даже небожительница с такой стала бы пандой. Цзинь Шиань едва удержался от смеха, понимая, что его серьезное лицо — лишь дань вежливости.

Барышня смотрела на него заплаканными глазами, как обиженная жена:

— Ты считаешь, что я малообразованная? Я училась в женской школе, даже в Англию ездила! Почему... почему... у тебя правда кто-то есть?

— Нет, — отрезал Цзинь Шиань. — Не обижайся, но твой отец — не самый лучший человек. Если бы я хотел на тебе жениться, давно бы это сделал. Зачем тянуть до сих пор?

<http://bllate.org/book/19790/1950117>